

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
1 (63)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 4

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ НА ЛИВАНЕ И В ПАЛЕСТИНЕ

(1908—1910 гг.)

Еще на гимназической скамье у И. Ю. Крачковского появился интерес к Востоку; он твердо решил поступить на Факультет восточных языков С.-Петербургского университета и пробыл в нем с осени 1901 г. до конца 1905 г.

С 1 января 1906 г. И. Ю. Крачковский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию под руководством академика В. Р. Розена. В план занятий, кроме усовершенствования в арабском языке, была включена диссертация на звание магистра и путешествие на Ближний Восток; о последнем молодому арабисту было известно еще до окончания университета.

Имея в виду поездку, И. Ю. набросал самостоятельно широкую программу занятий. Он хотел углубить свои познания в арабской филологии, истории феодального периода, намеревался охватить всю существующую литературу по фольклору и лингвистике, „чтобы не открывать вторично Америки“. На первом плане стоял сирийский диалект арабского языка и французский язык, так как преподавание в университете св. Иосифа в Бейруте велось по-арабски и по-французски.

И. Ю. Крачковский выехал из Петербурга 22 июня 1908 г. и прибыл в Бейрут 6 июля 1908 г. В первые же дни И. Ю. отправился на поиски русской школы, где и познакомился с двумя учительницами-арабками.

Стояла летняя жара и занятия в Бейрутском университете на лето были прерваны; И. Ю. решил направиться вглубь Сирии, чтобы в чисто арабской среде лучше овладеть разговорным арабским языком. Он наметил местечко Шувейр на Ливане, где до него побывали В. Ф. Гиргас и А. Е. Крымский.¹

В Шувейр И. Ю. прибыл 10 июля с желанием и надеждою непременно научиться разговорному арабскому языку. Сопровождавший его

¹ См.: акад. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 118.

Игнатий Юлианович Крачковский.
Бейрут, февраль 1910 г.

араб „оказался очень милым человеком, объяснявшим мне усердно все места на пути. Дорога же действительно очень красивая и все места, начиная от Бейрутской реки, прямо интересны“.¹

Поселился И. Ю. неподалеку от Шувейра, в запущенном монастыре Мар Ильяс (св. Ильи), вся братия которого состояла из 7 человек. Шувейр принадлежал к числу поселений, где господствовала народная речь, овладеть которой так жаждал И. Ю. Убедившись, что монахи монастыря мало образованы, И. Ю. старался завести знакомства по соседству, начиная с маронитов, которых он ценил за то, что они „с арабской литературой знакомы отлично“.²

Образ жизни и бытовые условия в Мар Ильясе не были удобны для молодого ученого, но здесь, невольно, он сталкивался с самыми разнообразными представителями общества. Точно в пестром, одушевленном калейдоскопе мелькали земледельцы, садоводы, ремесленники разных специальностей; ученые, литераторы и поэты; сторонники разных политических партий; духовенство всяких христианских исповеданий и ступеней иерархии и мусульмане; богатые туристы и скромные странники; дельцы и тунеядцы. И. Ю. Крачковский писал: „Удивительная масса всяких национальностей бродит здесь: вчера был какой-то серб, по профессии маляр; позавчера итальянец, искатель воды“.³

Большой интерес И. Ю. Крачковского вызывали те, которые имели какое-нибудь отношение к арабской литературе, например заехавший с визитом в монастырь маронитский викарий:

„Оказывается, он из фамилии Бустани и приходится родственником переводчику Илиады.⁴ Обещал навестить меня в Бейруте. Интересно было бы с ним познакомиться поближе“.⁵

Очень поучительны были встречи с местной интеллигенцией — журналистами, писателями, учеными.

В июле И. Ю. обозревал Шувейр, „который оказался довольно большим“. На одной из первых прогулок он нашел „очень красивые места, особенно у ключей (‘Айн аш-ширкй, ‘Айн ас-Сарфад)“.

Началось и его знакомство с учителями школ Палестинского общества из Шувейра и других городков и селений на Ливане. В частности, И. Ю. „познакомился с арабкой, учительницей школы Палестинского общества, и с тремя молодыми арабами из Шувейра“.

И. Ю. встретился с неким ‘Исой, который в то время учительствовал в Бтегрине. Второй учитель, с которым познакомился в Шувейре

¹ Дневник, 11 июля 1908 г. Цитаты даны по дорожным запискам и письмам И. Ю. Крачковского, хранящимся в личном архиве автора.

² Дневник, 12 июля 1908 г.

³ Дневник, 17 августа 1908 г.

⁴ Имеется в виду перевод Бутруса Бустани „Илиады“ на арабский язык.

⁵ Дневник, 17 июля 1908 г.

И. Ю. Крачковский, был тогда преподавателем красноречия **بيان** (байан) в Бельменде.¹ За первым знакомством последовали другие встречи, взаимные посещения, прогулки, осмотр школ:

„Был вчера в Бтегрине в гостях у учителя 'Исы (Ма'лӯла); училища оборудованы очень прилично и сам он милый человек. Видел трех учительниц; одна говорит по-русски. Есть знающая немецкий и английский“.²

„Был вчера в деревушке Абӯ Мизан (**ابو ميزان**), пожалуй самой красивой по местоположению из всех мною виденных. Стеснена со всех сторон горами и расположена в долине; никакой дороги, не только колесной (**طريق كروسة**), но даже и простой пешеходной не имеется“.³

Не только преподавательский персонал, его уровень и обстановка в школах интересовали молодого арабиста; он вступал в беседы с учащимися. Через неделю по приезде в Шувейр И. Ю. Крачковский записал „со слов одного ученика школы в Карнет аш-Шахвейн“ восемь загадок, которые показывают, как быстро он осваивал трудную народную речь:

1. **حذرك مذرك شتك فذرك — مخص**
2. **في شى قد الكف بيتئل مية والف — مشط**
3. **بنت الملك بالجوره لابسه الف تموره — ملقوفه**
4. **في شى على الرف بيمشى وبلطف — الحيه**
5. **في شى بالقرن وبيجقرنه — قمديل**
6. **في شى بالوادى بيعط يا اولادى — الجرس**
7. **في شى بيصرح تقشعه — الورد**
8. **في بيت مكلس ابيض من دون طاقة — بيضه**

Перевод загадок.⁴

1. 'Остерег тебя, испортил тебя (подразумевается испортить желудок, пронести), разорвал тебя и расколол'. Разгадка — **مُخص** — коликки в животе, причем вернее **فزر**, а не **فذر**.
2. 'Что-то с ладонь убивает сотню и тысячу'. Разгадка — **مُشط** (Повидимому, сотня и тысяча вшей).
3. 'Дочь царя в яме одета в тысячу юбок'. Разгадка — кочан капусты.
4. 'Что-то на полке идет и свертывается'. Разгадка — змея.
5. 'Что-то в углу и дразнит меня'. Разгадка — светильник. Обычно светильники ставились на полочке в углу. Повидимому, правильнее **بيجقرنى** и **بالقرنه**.
6. 'Что-то в долине кричит, о мои дети!'. Разгадка — колокол. Вернее писать **بيعط** или **بعيط**.

¹ Дневник, 19 июля 1908 г.

² Дневник, 25 июля 1908 г.

³ Дневник, 20 августа 1908 г.

⁴ Перевод загадок и пояснения К. В. Оде-Васильевой.

7. 'Что-то кричит и ты его видишь'. Разгадка — гром البعد. Может быть, надо писать: *بيصرح*.
8. 'Имеется белый штукатуренный дом без окна'. Разгадка — яйцо *بَيْضَة*.

Вечером 2 августа 1908 г. И. Ю. Крачковский присутствовал на ученическом спектакле в католической школе около Бтегриня. По сообщению учителя 'Исы, который сопровождал И. Ю., пьесы проходили предварительно строгую цензуру; к постановке допускались сюжеты, мало интересные для арабской аудитории, но приемлемые с точки зрения школьного руководства, как поставленная в этот вечер пьеса *رواية* „Романус император Востока“ *رومانوس امبراطور الشرق*. Пьесы, более понятные для слушателей, не допускались. Цензурой была воспрещена, например, пьеса из истории феодального периода Сирии „Салāх ад-дйн ал-Айўбй“ (Саладин)

صلاح الدين الايوبي.

О просмотренной пьесе И. Ю. писал:

„Самая пьеса, конечно, довольно наивна и пахнет европейским средневековьем, но поучительного много. Сплошь, конечно, язык классический, но дается он верно с очень большим трудом, ибо публика пыталась поправлять певца, произносившего верно «о возлюбленная сердца!»

يَا حَمِيمَةَ الْقَلْبِ ... иногда проскальзывают ошибки и в декламации, вроде *على انفسكم*. Представление прерывается вставками из публики, в полной мере сохранившей страсть к стихам и к ораторству, часто превращающуюся в пустую болтовню из любви к искусству играть словами. Даже и повторения у певца кто-то попросил двустышием, смысл которого (точно не помню):

يا ايها صاحب الصوب الجميل كتمل فإن القلوب سوامع

«О, обладатель прекрасного ливня, дай сполна, потому что сердца слушают».

Точно так же в одном патетическом месте, где сын оплакивает умершего отца, один из присутствующих, воскликнув «не спеши, о юноша!» *سهلاً ايها الفتى*, продекламировал элегию.

После окончания — целая вакханалия стихов и речей, благодарственных, превозносящих науку и т. д. Вообще, стихами они владеют блестяще, если не считать мелких погрешностей против *и'раба* ¹, наподобие своих предков ².

Еще через неделю И. Ю. Крачковский обучался у учительниц арабским играм. Таким образом, он охватывал постепенно круг учебных занятий и развлечений детей на Ливане, а посещения учебных заведе-

¹ И'раб — правильное произношение по-арабски.

² Дневник, 3 августа 1908 г.

ний разных направлений позволяли делать выводы и сравнения с постановкой дела в школах Палестинского общества.

Своими успехами в разговорном арабском языке И. Ю. был страшно недоволен. Все же с первых дней он производил наблюдения и делал очень серьезные, вполне самостоятельные выводы о соотношении некоторых глагольных форм в классическом и разговорном местном диалекте.

„12—суббота, утро. Сидел в 'Айн ас-Сарфад, изучал Хартмана и внезапно сделал открытие о происхождении формы $\text{بُنَيْتٌ} = \text{بُنْتُ}$, которая из Ḥamāsy^1 отмечена мной в рецензии на Петерса (P. Peeters). Глаголы *secundae kesaе* в здешнем диалекте систематически получают кесру и при первой [коренной]—шириб (= شَرِبَ), рыды (= رَضِيَ) и т. д. Ясно, что уж последняя форма своей аналогией могла оказать влияние на отмеченную, но еще характернее, что страдательный залог, сохранившийся только в двух عَنَبٌ и عَنَبٌ (по Хартману), звучит قَتِلَ и غَلِبَ . Ясно, что и بُنِيٌّ буния произносилось, как быни и, значит, بُنَيْتٌ (а не بُنْتُ скорее как в Ḥamāse) есть не что иное, как точная передача вульгарной формы. Таким образом, лишний раз выясняется, насколько важно для исследователя христианско-арабских памятников быть знакомым с живым диалектом, и, во-вторых, насколько сильно отражаются в них именно вульгаризмы (против Петерса хороший пример)“.²

В полном одиночестве, по ночам, в своей камерке или на пустынной плоской кровле И. Ю. учился произносить труднейшие звуки арабского языка 'айн и ح ع خā , различать تā и طā ط ت , повторял без конца специально подобранные фразы:

حملت حمل المحل 'Я носил бремя нужды',

$\text{يا محول الاوال حول حالنا الى احسن حال}$ 'О, изменяющий всякое состояние, измени наше положение к лучшему положению!'

„После усиленной практики начинает, повидимому, выходить ḫā . Не скажу, чтобы за недельное пребывание было большим результатом“.³ Несмотря на улучшение произношения, он огорчался: „Настроение неважное, так как мой язык сугубо не вытанцовывается в монастыре, а сторонние знакомства что-то не удаются... С горя придумываю темы для книжных работ, на которые придется, верно, перейти (перевод Илиады, университет, сирийская пресса, арабская литература в Америке),⁴ в отчетах же придется, верно, подвирать изрядно“.

¹ См. рецензию И. Ю. Крачковского в „Записках Восточного отделения Археологического общества“, 1908, т. XVIII (1907—1908), стр. 0106—0113. — И. Ю. Крачковский. Ḥamāsa Бухтур и ее первый исследователь в Европе. ЗВО, 1913, т. XXI (1911—1912), стр. 022—033.

² Дневник, 12 июля 1908 г., Шувейр.

³ Дневник, 17 июля 1908 г.

⁴ Подразумевается литература арабских эмигрантов, бежавших из Сирии от гнета Турции. Все эти работы вскоре появились в печати.

И. Ю. пытался даже устроить регулярные занятия по языку с учителем 'Исой: „Никогда не предполагал, что язык у меня будет итти так скверно“.¹

Почты в Шувейре не было. Отправлять и получать письма приходилось в другом селении, Бикфейе, проделывать путь туда и обратно пешком по кручам. При первом посещении Бикфейи И. Ю. попалась в руки местная газета: он ее описал и с этого момента начал пристально следить за арабской прессой.

„Видел сегодня газету «Ливан» № 766 от 14—27 таммуза, заглавие каковой *لبنان جريدة سياسية تجارية علمية تاريخية ادبية صناعية زراعية* «Ливан, политическая, коммерческая, научная, историческая, литературная, промышленная и сельскохозяйственная газета». Основана в 1891 году... издается в *بعبدā* Ба'абдā,² выходит раз в неделю и стоит в Ливане 3 риала, а в Египте и за границей 10 франков. Формат обычный — малый лист. Содержание тоже обычное“.

„Видел еще 28 выпуск (*الجزء*) газеты «ал-Мухаддиб *جريدة المهذب* (Лубнāн) *المهذب جريدة* Воспитатель. Научно-литературная и промышленная газета», выходящей в (*لبنان*) Залха (Лубнāн) от 11 *السميت قى* *الجمادى الثانى سنة ١٣٢٦* 11 июля 1908 года (по новому стилю), 28 июня 1908 года (по старому стилю) и 12 *دجمادā-с-Сāни* 1326 года (по хиджре). Выходит раз в неделю, основана в 1907 году. Кроме ряда статей газета содержит «Известия — Корреспонденции — Хроника — Каменный уголь — Отборное — Объявления». Всего восемь страничек в номере. Цена на Ливане 10 франков, за границей — 15“.³

„Здесь курьезен не только способ пересылки газет, но и собрания подписной платы, состоящий в том, что некий доверенный тип редакции ходит по Ливану и собирает ее у подписчиков!

„От него я узнал некоторые подробности насчет здешней прессы, состоящей из 5 газет, из коих все — маронитские, кроме «Лубнāн» — православногo [органа] и «Арз» *ارز* официального, издающегося в *جونية* Джунийе. Кроме виденных мною, есть «Ар-Рауда» *الروضة*, издающаяся тоже в Ба'абде *بعبدā*, имеющей таким образом две газеты. «Лубнāн» печатается в 1500 экземплярах; около 1200 их расходуется на Ливане и в Сирии; около 300 в Египте, Судане, Европе и Америке, конечно среди эмигрантов. Единственный сотрудник получает 5 лир в месяц; приняв во внимание еженедельность газеты — не так и мало“.⁴

И. Ю. Крачковский желал прочесть сам доступные №№ газет, хотел услышать, увидеть все своими глазами. Тут сказалась уже тогда, выработанная система исследовательской работы И. Ю. Крачковского,

¹ Дневник, 27 июля 1908 г.

² Ба'абдā — бывшая зимняя резиденция турецкого губернатора.

³ Дневник, 16 июля 1908 г.

⁴ Дневник, 30 июля 1908 г.

которой он держался до конца: найти все самому и все проверить, а в этом случае и позаимствоваться было совершенно неоткуда — он открывал новые пути для науки.

Экскурсии по живописным окрестностям Шувейра совершались обычно в компании знакомых учителей; много времени отнимали визиты, но большая часть отдавалась чтению на арабском языке, так как русской литературы, не считая отрывного календаря, у И. Ю. Крачковского с собой не было.

Разговоры с учителями постоянно вращались вокруг арабской литературы, классической и современной, мусульманской и христианско-арабской; об этом можно судить, например, по записи о посещении одного литератора и учителя (му'аллима) в Шувейре.¹

От разговоров на литературные темы, естественно, появилось желание узнать, что же представляет собой современная арабская литература. В Шувейре он прочел *كنوز لبنان* „Сокровища Ливана“, затем *الغريب في الغرب* „Чужой на Западе“ — „довольно курьезное произведение одного шувейрита, Миха'ила Рустума“.²

29 июля 1908 г. он „начал читать Калилу и Димну по изданию, напечатанному в Бейруте в 1896 г.“.³ Чтение „Калилы и Димны“ было окончено 5 августа со словами: „Занятная штука! Непременно ее нужно будет почитать со студентами“.

Четыре недели самостоятельной работы в этом направлении не прошли даром; оригинальные мысли о новой арабской литературе были занесены в дневник в Шувейре; он приводит слова мусульман после смерти писателя Наджиба Хубейфа: *هذا هو رجل واحد اصلح العلم في الاسلام*. „Этот единственный человек реформировал науку в Исламе“. И далее: „Интересно сравнить с гордым принципом первой эпохи новой арабской литературы (времен Тантави и Кремера)“.⁴ „Шувейр не на шутку может считаться очагом современной литературы“.⁵

23 августа 1908 г. И. Ю. Крачковский переписал для Машрика текст „«Михаила», предисловие исправил абуна Афанасий“. Эта статья *قصة اعجوبة لرئيس* „Легенда о чудесах архангела Михаила в Палестине“ была напечатана в декабре 1909 г.⁶

¹ Дневник, 25 августа 1908 г.

² Дневник, 27 июля 1908 г.

³ Дневник, 8 августа 1908 г.

⁴ И. Ю. Крачковский. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810—1861 гг.). Труды Комиссии по истории знаний Академии Наук, Л., 1929. — И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. 3-е исправленное издание, М.—Л., 1948, стр. 119—127.

⁵ Дневник, 8 августа 1908 г.

⁶ См.: И. Н. Винников. Игнатий Юлианович Крачковский. Материалы к библиографии ученых СССР, М.—Л., 1949, стр. 21, № 16.

Рис. 1. Горный пейзаж на Алтае.

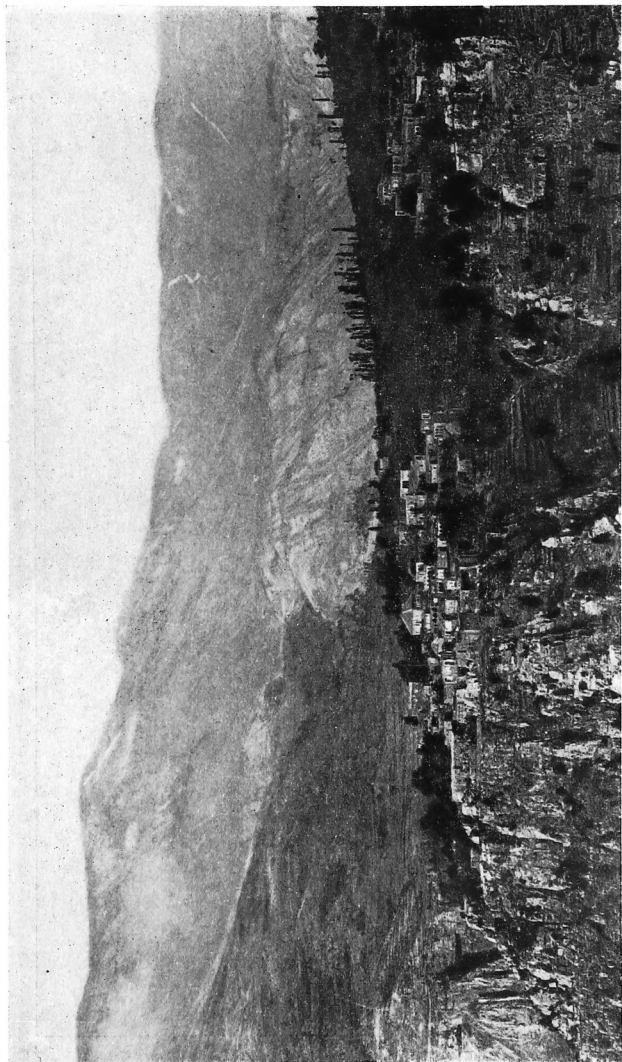

Рис. 2. Селение Хасрун на Ливане.

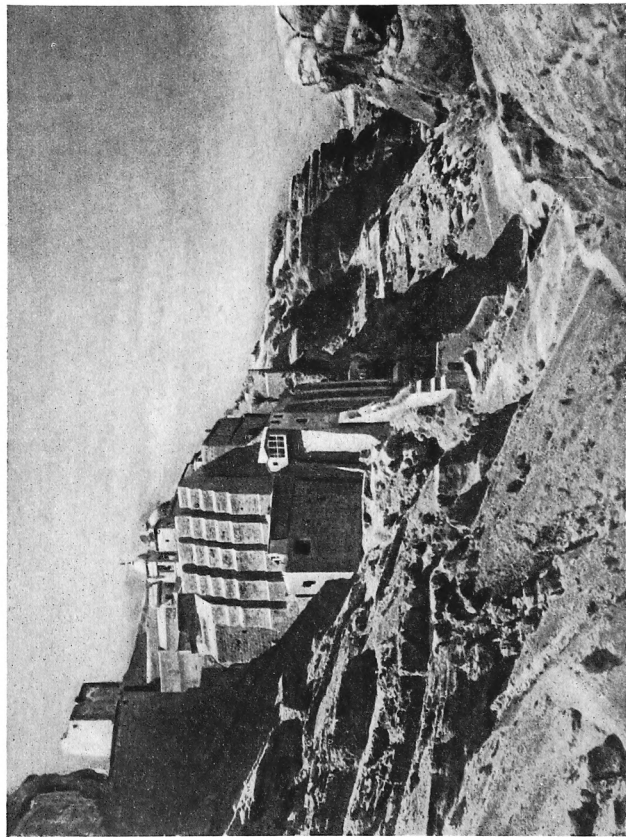

Рис. 3. Мяр Сэба (манастыр Саввы), VI в. н. э. Палестина, к юго-востоку от Иерусалима.

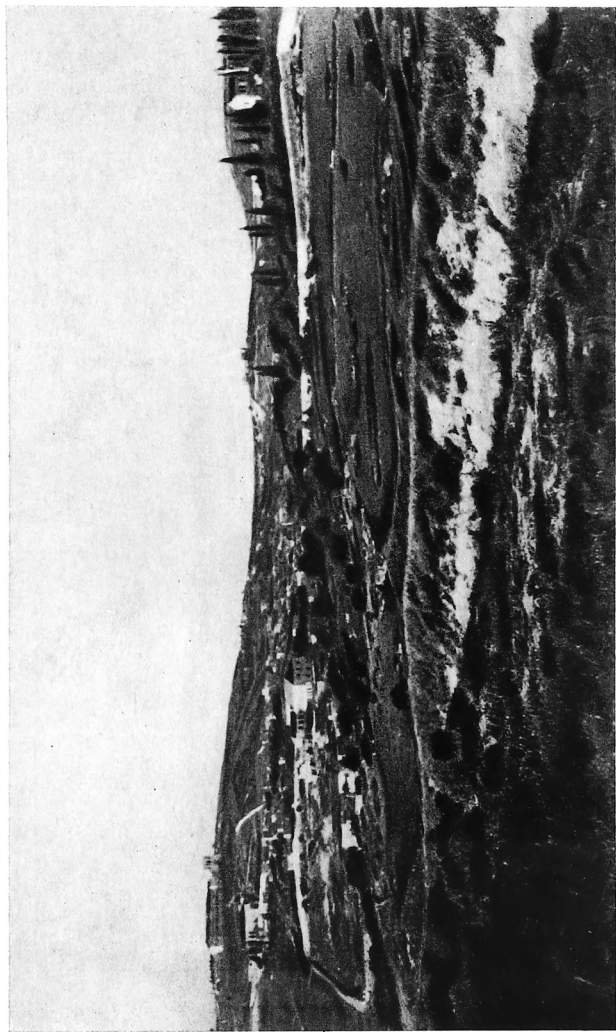

Рис. 4. Вид Назарета в начале XX в. Палестина.

До начала учебного года в Бейрутском университете И. Ю. Крачковский познакомился на Ливане с одним из профессоров, у которого ему предстояло слушать лекции, — рано умершим проф. Луисом Ронзеваллем. День ото дня литературные знакомства расширялись. Заглядывали в захудалый монастырь туристы, духовные лица разных толков и наклонностей:

„Вчера же был здесь пребывающий временно в Шувейре и его уроженец — дамаский поэт Амйн Зәхир Хайр Аллах *امين ظاهر خير الله*, повидимому большой талант. У меня спросил хафйфом: *كيف انتم بهذه الارطان* «Как Вы обходитесь с этой тарабарщиной?» и ответил хафйфом же: *نشكر الله «ايم الازمان* «Слава богу, как всегда». Поднес раису (заведующему) два новых произведения: повесть и поэму о землетрясении в Сан-Франциско“.²

„Дочитал вчера произведение второе Амйна Зәхира и его ривайя *رواية*. Довольно характерно, что в литературе, повидимому, исчезает страсть к празднословию из любви к искусству. Само произведение носит довольно-таки сентиментальный характер и [автор] опять-таки не мог обойтись без экзотической темы“.³

И. Ю. всегда живо интересовался связями России с Востоком; о связях Сирии и Ливана с Россией в середине прошлого века есть много свидетельств. Между прочим, в дневнике есть следующая запись: „Имеется в монастыре, между прочим, славянское евангелие, пожертвованное митрополитом Филаретом в 1848 г. с его собственной надписью, гласящей о пожертвовании «в обитель св. Или⁴ на горе Ливане». Надпись удостоверена консулом в Бейруте и переведена на греческий и арабский языки“.⁵

И. Ю. Крачковский вернулся в Бейрут 2 сентября к началу учебного года в двух высших школах, где он намеревался слушать несколько курсов лекций. Он целиком погрузился в научную работу, почти нигде не бывал. Только по воскресеньям, после прогулки, он отправлялся в школы Палестинского общества, где беседовал с учительницами и, таким образом, постановка преподавания в этих учреждениях становилась ему все яснее.

С этими интересами И. Ю. было связано его случайное знакомство с отцом дамаского поэта Амйна Зәхира *امين ظاهر*, назначенным смотрителем училища в Бельменде. По определению И. Ю. Крачковского, это „тип занятный, знает Хартмана“.⁶

¹ Один из арабских стихотворных размеров.

² Дневник, 12 августа 1908 г.

³ Дневник, 22 августа 1908 г.

⁴ Здесь жил И. Ю. Крачковский с 10 июля 1908 г. до возвращения в Бейрут, с перерывами во время экскурсий. Ср. выше, стр. 114.

⁵ Дневник, 31 августа 1908 г.

⁶ Дневник, 30 августа 1908 г. — М. Хартман, немецкий востоковед, работу

В начале февраля 1909 г. И. Ю. Крачковский оказался случайно в Триполи: до этого порта он провожал захватившего в Бейрут по пути одного своего университетского товарища. Дурная погода на море задержала И. Ю. в Триполи на несколько дней. Он использовал их на осмотр города, знакомство со школами Палестинского общества. Город Триполи был тогда центром школьной сети Палестинского общества в северной Сирии. Вот как описано препровождение времени в Триполи:

„Не задалась моя поездка: дождь так и льет. Несмотря на сие, совершил обход всех достопримечательностей в лице здешних училищ, которых масса. В женских сначала ничего толком не мог добиться, но потом удалось повидать начальницу, довольно симпатичную девицу, бывшую раньше в Бейт Джа'ле, которая и приняла меня за французского консула“.

Запись дневника от 9 февраля 1909 г. дает представление о педагогическом составе в школах Палестинского общества. Учительницы были русские (в Триполи одна — из Новгорода, другая — из Киева) и арабки, обычно получавшие образование в учреждениях Палестинского общества. В Бейт Джа'ле, недалеко от Иерусалима, где преподавала раньше начальница школ в Триполи, находилась хорошо организованная женская учительская семинария. Что касается мужского преподавательского состава, то он тоже состоял из русских и арабов. Русские учителя приезжали из России по окончании различных учебных заведений, не исключая Факультета восточных языков С.-Петербургского университета, откуда вышел Даниил Владимирович Семенов.¹ Многие учителя-арабы также оканчивали курс учебных заведений в России (в Полтаве, Киеве и других городах).

Налаженные с осени 1908 г. серьезные занятия в Бейруте были прерваны с 22 марта по 21 апреля 1909 г. поездкой в Египет на III Всемирный археологический конгресс. По возвращении обычное течение работы нарушилось ненадолго из-за выезда в Дамаск с несколькими русскими участниками конгресса.

На летний отдых И. Ю. Крачковский выехал из Бейрута в середине июня 1909 г. и вторично остановился в Триполи. Конечно, ни школы, ни педагоги не были забыты. Он побывал с визитом у райсы, начальницы школы, узнал, что с осени она собирается покинуть Сирию и хочет вернуться в Россию. Это известие заставило его задуматься:

которого И. Ю. Крачковский подверг заслуженной критике. См.: И. Н. В и н н и к о в. Игнатий Юлианович Крачковский. М.—Л., 1949, стр. 21, № 19: „Арабский вопрос и русские симпатии“.

¹ Научный сотрудник Института востоковедения. Умер в Ленинграде в 1942 г.; см.: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 245, 249.

„Кто в результате останется у Палестинского общества — абсолютно не понимаю“.¹

„Обозревал опять женские школы и даже рискнул по-арабски экзaменовать“.² Продолжались также экскурсии по окрестностям в компании педагогов, а главное, молодого арабиста привлекли серьезно к участию в экзаменах.

„Вчера был педагогический день: кроме своих палестинских учителей,³ познакомился с одним из протестантских — тип довольно колоритный; сегодня думаю наведаться к нему. Теперь же утром хочу пробраться в город посмотреть на тамошние школы“.⁴

Под „городом“ подразумевается Триполи, так как И. Ю. жил на отлете, в тихом приморском городке у гавани, под названием Мйна.

22 июня он был в школах, где ему подносили стихотворные приветствия.⁵ „Вчера был у муаллима [т. е. учителя] Ханны, который тоже поднес «стих»“.⁶

„Экзамены меня заели: сегодня у мальчиков в Триполи, завтра у девиц там же, даже, кажется, с митрополитом. «Просят» присутствовать не столько начальствующие, сколько подчиненные“.⁷

27 июня экзамены в школах кончились, но еще на две недели И. Ю. Крачковский задержался в Триполи; все условия жизни ему нравились, он больше отдыхал и развлекался, чем в Бейруте. 14 июля в компании с учителями он выехал в горы и поселился на лето в местечке Амиюн.⁸ „Третий день сижу уже в Амиюне и в восторге от самого места... Места в общем значительно глуше тех, где я странствовал в прошлом году, но народ столь же симпатичен“.⁹ (рис. 1).

Казалось бы, с наступлением летнего сезона непосредственные связи со школьной работой затихнут, но произошло не так:

„Эти два дня были заняты экзаменами, в воскресенье с той же целью двигаемся в Думу и Кесбу“.¹⁰

С 23 июля до середины сентября посещения школ прекратились, но общение с учителями поддерживалось постоянно.

„Вчера прибыли в Кесбу, где обычная праздничная суета. Весь день прошел в визитах, питье шарáба и разговорах о России“. Он встретил и здесь горячие симпатии к России.¹¹

¹ Дневник, 16 июня 1909 г.

² Дневник, 17 июня 1909 г.

³ Подразумеваются учителя школ Палестинского общества.

⁴ Дневник, 22 июня 1909 г.

⁵ Дневник, 23 июня 1909 г.

⁶ Дневник, 25 июня 1909 г.

⁷ Дневник, 26 июня 1909 г.

⁸ Дневник, 13 и 17 июля 1909 г.

⁹ Из письма от 18 июля 1909 г., г. Амиюн на Ливане, к Ю. Ю. Снитко — сестре И. Ю. Крачковского.

¹⁰ Дневник, 17 июля 1909 г. Два дня экзаменов в Амиюне падают на 15 и 16 июля.

¹¹ Дневник, 20 июля 1909 г.

„Вчера вечером лазили в монастырь Хаматура; вид замечательный и постройки прямо чудом прилеплены к горе; подъем страшно труден, но все искупает красота“.¹

„Сегодня экзаменовали в мужской школе, а вечером опять лазили на гору к Каср-Накус, кажется до сих пор не известному никому. Завтра — в женской школе, а потом в (селение) Думу“.² „Виды по обычаю очень интересны, — отмечает И. Ю., — подъем и спуск через горный хребет; местность не очень даже пустынная, а внизу на реке у деревни Кфер Хульда зелень даже роскошная“.³

„Два дня просидел в Бельменте, куда совершил путешествие пешком. Двинулись во вторник вечером, вернулись вчера. Местность опять-таки очень интересная; вид на море с очень широким горизонтом, вдали Триполи с одной стороны, Энфе — с другой“. Во время своих скитаний И. Ю. писал:

„От этих передвижений совсем нет времени заниматься; подогнал только Ханифу до 270 стр.⁴ Читаю много *Ал-Дия* الضياء «Свет», но все летние планы, повидимому, останутся таковыми и только“.⁵

Некоторые живописные места особенно привлекли внимание И. Ю. Крачковского. Так, на обороте вида Хасруна И. Ю. написал: „Одно из замечательных по красоте мест в Сирии — село Хасрун (рис. 2), масса воды и масса зелени; темная полоска справа, вдали — остаток знаменитого леса кедров“.

„Пространствовали вчера в монастырь Кефтун и на Нахр ел-Джоз. Таким образом, эту часть Ливана я обследовал, кажется, досконально“.⁶

На пароходе из Триполи в Бейрут И. Ю. встретился с одной из бейт-джа'льских учительниц и драгоманом русского консульства в Иерусалиме.⁷

На „зимних квартирах“ с 12 сентября И. Ю. Крачковский возобновил занятия по прежнему плану. Его знакомства с арабами стали гораздо шире в среде как мусульманской, так и христианской.

И. Ю. Крачковский, тогда еще совсем молодой человек, принял живое участие в преобразовании Палестинского общества. Им была составлена специальная заметка и отчет о состоянии Общества. Новые и живые предложения И. Ю., изложенные им в записке, были состав-

¹ Дневник, 21 июля 1909 г.

² Дневник, 22 июля 1909 г.

³ Дневник, 24 июля 1909 г. — На пути из Амиюна в сел. Дума дорога пересекает реку Нахр ал-Джбз.

⁴ И. Ю. Крачковский готовил указатели к историческому произведению арабского писателя-энциклопедиста IX в. Абү Ханйфы ад-Дйнаверй; издание появилось в 1912 г. См.: И. Н. Винников, ук. соч., стр. 25, № 34.

⁵ Дневник, 9 августа 1909 г.

⁶ Дневник, 20 августа 1909 г.

⁷ Дневник, 13 сентября 1909 г. Бейт Джа'ла — селение около Иерусалима, где находилась семинария Палестинского общества.

лены с большим знанием дела и вносили много нового и рационального. Несмотря на сопротивление более консервативных членов общества, составлявших „Палестинскую комиссию“, приехавшую для инспектирования школ Общества, записка И. Ю. была ими принята.

В своем дневнике И. Ю. отметил, что членов комиссии „здорово удалось переупрямить и моя записка прошла почти целиком“. О стремлении И. Ю. поставить работу Общества по-новому говорит и следующая заметка: „Крайне приятно, что удалось пробить хоть первую брешь в Палестинском Обществе“.¹ Очевидно, молодой ученый не собирался останавливаться на этих первых своих усилиях, увенчавшихся успехом.

На пароходе „Косейр“ 5 декабря И. Ю. Крачковский отбыл из Бейрута через Яффу и Порт Саид в Александрию, прожил в последней два дня и переехал в Каир ради работы над рукописями. В Каире он оставался около месяца. На обратном пути он задержался в Александрии и 21 января 1910 г. оказался в Бейруте, где продолжал свою работу до конца марта.

Направляясь в Палестину, И. Ю. Крачковский остановился ненадолго в Яффе. Здесь, как и в других случаях, он не упускал возможности развивать свои взгляды и новые точки зрения среди лиц, связанных с Палестинским обществом. В дневнике 23 марта 1910 г. молодой ученый записал: „С большим удовольствием потолковал о Востоке“ и радовался, что его попытка вызвать интерес к Востоку в русской литературе находила отклики.

24 марта И. Ю. Крачковский приехал в Иерусалим и сразу оказался в сфере самой оживленной просветительской деятельности Палестинского общества: „Водворился благополучно в подвории, прибыв в Иерусалим вчера вечером. Хотелось бы дня в три обозреть город, чтобы потом можно было приняться за работу“.

Большой интерес представляла для И. Ю. патриаршая библиотека, в которой он получил возможность „копаться“. „К удивлению ничего решительно в ней не находится и я решительно недоумеваю, куда в самом деле исчезли Саввины рукописи.“² Не может же быть, чтобы от них ничего, кроме тишендорфовских отрывков,³ не находилось“.

Из дальнейших записей дневника видно, что И. Ю. проводил в названной библиотеке каждое утро, а то и целый день. Он „разделался“ с ней дней через десять, т. е. закончил просмотр интересовавших его рукописей и книг. С той же целью разыскать новые рукописи И. Ю. посетил древний монастырь Саввы (рис. 3), заложенный еще в VI в. н. э., но с досадой отметил в своем дневнике: „... ничего, конечно, не нашел

¹ Дневник, 19 марта 1910 г.

² Подразумеваются рукописи из монастыря св. Саввы (Мар Саба) в трех часах пути от Иерусалима.

³ Подразумеваются рукописи из коллекции К. Тишендорфа в собрании Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

и только проехался довольно симпатично на ослике¹. Много времени занял осмотр Иерусалима, прогулки и небольшие путешествия по его окрестностям. Частым спутником И. Ю. был П. К. Жузе, профессор университета в Казани, а затем в Баку.² Наряду с этим И. Ю. знакомился со всеми научными учреждениями, находившимися в Иерусалиме. Так, о музее библейской истории имеется запись в дневнике: „Тоже великолепная идея комментарий каждой строки Библии путем вещественных памятников“. Но о Палестинском исследовательском фонде И. Ю. писал: „... музей оказался самым жалким“. Несмотря на это молодой ученый жалуется, что „все время в Иерусалиме проходит у меня не столько в занятиях, сколько в странствованиях; материала для работы находится не много...“. Не без юмора сообщает он о том, что „мне приходится и ослов нанимать и чай устраивать...“ во время этих скитаний.

Из Иерусалима И. Ю. собрался проехать в Назарет, на Тивериадское озеро, а затем через Хайфу обратно в Бейрут. „Пребывание мое в Палестине затянулось, и я боюсь, что мне не удастся пробыть столько, сколько хотелось бы в Дамаске, и, может быть, совсем исключить Алеппо“.³

Требовательный к себе, И. Ю. Крачковский считал, что он мало сделал для науки за время пребывания в Иерусалиме. Такой взгляд, безусловно, не верен. Если учесть, сколько времени было посвящено на поиски рукописей, на просмотр их и выписки в разных библиотеках, официальных и частных, сколько посещено музеев, школ и других научных учреждений, итог получится вовсе не маленький. Не менее важны были встречи и беседы с местными учителями и учительницами, особенно из арабов, с писателями и учеными. Знакомства с европейскими востоковедами все больше убеждали И. Ю. Крачковского, как высок был уровень и превосходство русского востоковедения. Туризм, за который он упрекал себя, отнюдь не являлся минусом, а плюсом: чтобы судить о культуре страны, надо было оценить людей со всем их окружением, узнать современное положение и культурное прошлое страны. В этом отношении пребывание в Иерусалиме было чрезвычайно полезно, а поездка в Назарет еще больше связала И. Ю. Крачковского с задачами Палестинского общества.

„Сидим в Назарете (рис. 4), куда прибыли вчера часа в четыре, после очень интересного пути, несмотря на утомительность и сквернейшие ночевки (Рамалла, Набулус, Буркын). Познакомился со здешней публикой и пробуду до понедельника“.⁴

¹ Дневник, 8 апреля 1910 г.

² Умер в 1942 г. См.: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. 1950, стр. 185, 243.

³ Письмо от 17 апреля 1910 г. Иерусалим.

⁴ Дневник, 27 апреля 1910 г.

В Назарете И. Ю. познакомился с двумя учительницами Палестинского общества. Обе они окончили женскую учительскую семинарию в Бейт-Джале. Они принимали участие в экскурсиях И. Ю. Крачковского по окрестностям Назарета, одна из них, Культум 'Оде, вышла замуж в 1913 г. за заведующего амбулаторией в Назарете И. К. Васильева.¹

Радужный прием заставил И. Ю. задержаться в Назарете:

„Скверно приезжать в те места, где тебя знают хотя бы и заочно — от всяких завтраков, обедов и прогулок совсем нет тогда спасения. Если прибавить, что в свободное от занятий время я старательно посещаю здешние школы, то, может быть, поверите, что ужасно трудно было найти свободную минутку...“

„Как видите, срок моего пребывания в Палестине значительно удлинился... Я уж и принес себя отчасти в жертву; покинем Назарет мы послезавтра, направимся через Кану Галилейскую в Тивериаду, затем переправимся через Тивериадское озеро на станцию железной дороги и оттуда в Хайфу. Скверно только то, что благодаря задержке, на Алеппо мне почти совсем времени не останется, да и пребывание в Дамаске придется порядком сократить. Но «совершившийся факт самый лучший», а поэтому я и не очень жалею о таких результатах своей «научной командировки». Не жалею и потому, что этот переезд из Иерусалима в Назарет был, быть может, наиболее удачным и интересным, которые мне приходилось делать в этом году.² Пять дней верхом по очень разнообразной и красивой местности, с ночевками в ужасных местах, с самыми комическими инцидентами вроде коз, свалившихся на голову сквозь крышу, и т. д.“³

„На прощание му'аллима Культум 'Оде спела песенку:⁴

احبابنا قد وقفنا كى نودعكم
 وقلوبنا بلهب العزن يشتمل
 حان الفراق فيها انى اودعكم
 تذكرونى متى اخطر بخاطركم
 وزودونى ابا عينى برؤيتكم
 هيهات عينى بعد الآن تنظركم
 خذوا فواذا يذوب لوعة معكم
 وغادروا قلبًا يشكوو مّر فرقتكم
 فهل اودع روحى ام اودعكم
 فسيروا بامن فان الرب يحفظكم

¹ В день мобилизации в июле 1914 г. Васильевы прибыли в Одессу, по пути в Кронштадт, на побывку к родственникам. С той поры Культум 'Оде-Васильева осталась навсегда на новой родине, и в настоящее время она работает в Москве.

² Подчеркнуто в письме; намек на экскурсии в Египте весной 1909 г.

³ Письмо от 3 мая 1910 г. Назарет.

⁴ Дневник, 10 мая 1910 г.

Друзья наши! Мы вышли проститься с вами,
А сердце наше пылает огнем печали.
Пришло время разлуки, и вот я прощаюсь с Вами.
Вспоминайте обо мне, когда вспомнится.
И дайте мне еще раз увидеть Вас, о глаза мои!
Вряд ли мои глаза вновь увидят Вас!
Возьмите с собой душу, которая тает от муки,
И покиньте сердце, жалующееся на горечь разлуки с Вами.
С чем я прощаюсь — с душой ли своей, или с Вами?
Добрый путь. Поистине господь хранит Вас.¹

6 мая 1910 г. И. Ю. Крачковский приехал в Хайфу и остался там на три дня.

С 11 по 19 мая 1910 г. И. Ю. Крачковский пробыл в Бейруте, а 20 мая он приехал в Дамаск, вторично после апреля 1909 г.

„Опять в Дамаске и опять в «Виктории» и опять попал в десятый номер! Удивительно иногда складываются обстоятельства, кажется исключительно для того, чтобы напомнить «прошлое, близко-далекое...». Голова трещала жестоко и поэтому визиты с завтра начну“.²

Несмотря ни на что, научная деятельность продолжалась настойчиво; И. Ю. Крачковский направился на поиски рукописей: „Сегодня целый день в скитаниях немного более полезных, чем вчера... Для библиотеки назначен понедельник“. По поводу пребывания И. Ю. Крачковского в Дамаске в газете „ал-Муктаба“, № 388, от 23 мая 1910 г., появилась небольшая заметка; вырезка вложена в дневник:

زار دمشق الأستاذ اغناطيوس كراتشكوفسك من رجال المشرقيات
في روسيا وأحد اساتذة اللغة العربية في كلية بطرسبرج وهو
روسي الاصل واللغة تعلم العربية في صباه في سورية ومصر حتى
انه لميجيد التكلم بها والكتابة كسائر ائمة المستشرقين وله معرفة
واسعة باللغات السامية كالعبرانية والسريانية والعشبية كما
يعرف بعض لغات اوربا واللغة التركية * *

Дамаск посетил профессор Игнатий Крачковский, один из русских востоковедов и преподавателей арабского языка в Петербургском университете. Он — русский по своему происхождению и родному языку — в молодости изучил арабский язык в Сирии и Палестине так, что прекрасно говорит и пишет на нем, подобно другим выдающимся востоковедам.

Он обладает обширными познаниями в семитских языках — еврейском, сирийском и абиссинском, а также знает европейские языки и турецкий.³

¹ Перевод А. А. Долининой.

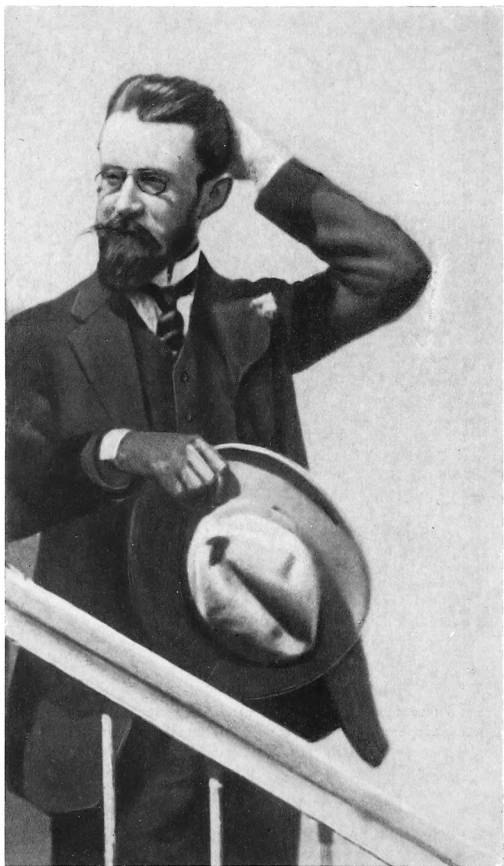
² Дневник, 20 мая 1910 г.

³ Перевод А. А. Долининой.

Учительница женской школы Палестинского общества
в Назарете Культум 'Оде (К. В. Оде-Васильева). 1910 г.

Рис. В. А. Крачковской.

Игнатий Юлианович Крачковский в Назарете.
Начало мая 1910 г.

Поиски рукописей продолжались вплоть до отъезда, но И. Ю. Крачковскому так и не удалось в Дамаске добраться до арабских рукописей, хранившихся у антиохийского патриарха. Только через три года 44 рукописи из этого дамасского собрания оказались в Петербурге, И. Ю. Крачковский получил к ним доступ, а в феврале 1919 года с его помощью они были доставлены в Азиатский музей. Очерк И. Ю. Крачковского „Рукописи двух патриархов или сбывшееся предсказание“ значительно дополняет лаконичную запись в дневнике.¹

Пожалуй, удачнее всего были поиски у дамасского торговца рукописями, где И. Ю. нашел „страшный беспорядок и сколько-нибудь порядочного мало“, однако „кое-что все же нашлось, хотя и не экстраординарное. Повезло как-то на автографы: автограф комментатора «Истории Йемена» تاريخ اليمن, Бурхāн ад-дина Халебского, Ибн Семāна, внука 'Абдул-Ганй Набулусского. Дорожится старик, но думаю его как-нибудь уломать“.²

„Вчера был в Сейднае, где самой большой достопримечательностью является, пожалуй, живущий на покое Муркос.³ Приятно было потолковать; старик разговорчивый и, повидимому, был рад.

Ночью сегодня думаю двигаться сперва в Алеппо и на обратном пути в Хомс“.⁴

В Алеппо И. Ю. Крачковский приехал 29 мая 1910 г. Здесь, как и всюду, его в первую очередь интересовали рукописные собрания и библиотеки. Но в большинстве случаев они состояли из известных уже молодому арабисту книг и рукописей. Самая крупная библиотека принадлежала маронитам, но и в ней не было ничего интересного для него.

„Вчера просмотрел и кончил маронитскую библиотеку; численностью очень крупна, хотя особо редких вещей нет. Состав обычный: библия, поучения, богослужение. В мусульманской части: макамы, грамматики, полтора дивана“.⁵

Разочаровала И. Ю. и библиотека митрополита, но по другой причине. Когда он пришел ее осматривать, то „митрополия оказалась с запертыми шкафами книжными, хотя судя по корешкам там все больше греческие“.⁶ В известной степени его вознаградили две частные

¹ Академик И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, ук. изд., стр. 37—44.

² Рукописи, купленные И. Ю. Крачковским в Дамаске, сохранились в его библиотеке.

³ Г. А. Муркос, уроженец Дамаска, был профессором Лазаревского института в Москве (1872—1900 гг.) и дожил на покое в деревне Сейдная около Дамаска до 1911 г. См.: И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, ук. изд., стр. 33. — Он же. Очерки по истории русской арабистики, стр. 161—162.

⁴ Дневник, 28 мая 1910 г.

⁵ Дневник, 30 мая 1910 г.

⁶ Дневник, 1 июня 1910 г.

библиотеки; одна из них принадлежала „сирийскому попу... у которого порядочно интересных вещей, даже по мусульманской части. Жаль только, что вместо обработки этих материалов занимается какой-то ерундой“.¹

О самом городе Алеппо в дневнике нет заметок, может быть оттого, что И. Ю. не встретил в Алеппо той молодой компании школьных учителей и учительниц, с которыми он совершал большинство экскурсий в Сирии. И. Ю. записал: „Завтра думаю двигаться: никак не могу решиться, куда — в Хама или в Хомс. Жара донимает страшно, и по ночам совсем не могу спать. Вчера было около 40°!“²

Совсем иначе, видимо, чувствовал себя И. Ю. в Хамā, но не из-за погоды: „В Хама такая же неистовая жара, как и в Алеппо, при этом яростный ветер. Остановился в вокзальном буфете, благо есть комната для спанья... только и есть хорошего, что на'уры да 'Асй“.³ Далее И. Ю. сообщает, что „проехался не без удовольствия на лодке“ по реке Оронту, на которой находятся на'уры.

„Был у митрополита, — пишет он далее, — старина довольно крупная. Беднота в митрополии суровая и пахнет и средневековьем и запустением.“

Хороший дом фамилии 'Азм; курьезно, что показывавший отказался взять на чай.

А на'уры действительно красивы и даже поэтичны со своим стоном“.⁴

На пребывание в Хомсе ушло пять дней, так как И. Ю. опять оказался в учительской и литературной компании.

И. Ю. писал: „Вечером с компанией учителей, среди которой есть по обычаю симпатичные люди, совершили маевку в окрестности к садам на Оронте с очень красивыми местами“.⁵

„Вчера осмотрел, кажется, все здешние достопримечательности: был в цитадели, главной и халидовской мечети, в церкви св. Юлиана... Вечером опять маевка в окрестности“.⁶

„Только завтрадвигаюсь в Триполи и притом, кажется, с лихорадкой, которая является совсем неожиданным приложением. Эти дни проводил преимущественно в училище, а после 4 часов — в прогулках со здешней компанией“.⁷

¹ Дневник, 3 июня 1910 г.

² Дневник, 3 июня 1910 г.

³ На'уры — водяные колеса, орошающие сады и поля у города Хамā водами р. Оронта, называемого арабами Нахр ал-'Асй. Число водяных колес к первой четверти XX в. сравнительно с XIV в. сократилось почти в 4 раза; см.: M. Söberheim. Hamā. Enzyklopaedie des Islam, т. II, Leiden—Leipzig, 1927, стр. 254—255.

⁴ Дневник, 4 июня 1910 г.

⁵ Дневник, 6 июня 1910 г.

⁶ Дневник, 8 июня 1910 г.

⁷ Дневник, 10 июня 1910 г.

„Только что распрощался с компанией здешних учительниц, которые по обычаю провожали очень трогательно. Одна дала свою карточку с четверостишием:

إذا نظرتم فتاة الشرق جاهلة
فلا تلووموا سوى الحكام والقدر
كم من فتاة قضت من قبل ان بلغت
آمالها بوقى العقول والنفس
لا الشعب ينجدها لا الاهل تعضدها
فهي الضعيفة صوطاً فى بنى البشر
عسى الزمان الذى قد جار فى ما مضى
يمن يومًا بنيل المجد والوطن.

‘Если Вы видите, что девушка на Востоке невежественна, то осуждайте за это только правителей и судьбу.

Сколько девушек с возвышенным умом и мыслями погибло, прежде чем исполнились их надежды.

Ни люди не помогают им, ни семья их не поддерживает, и слабо звучит их голос среди людей.

Может быть время, несправедливое в прошлом, дарует им когда-нибудь исполнение желаний и славу!¹

Хомс был последним этапом странствий И. Ю. Крачковского по Сирии, Ливану и Палестине. В пятницу 12 июня 1910 г. он вернулся „из Хомса совсем разбитый и лихорадкой и одиннадцатичасовой тряской в убийственном дилижансе, который всю дорогу мчит как угорный“.

В дневнике не указано, куда больной И. Ю. направился из Хомса. Повидимому, он возвратился в Хамā, так как ехал на дилижансе, а оттуда — в Триполи, где застрял до 20 июня из-за болезни „абū рукаб“,² вторично посетившей его на Востоке. Еле поправившись, И. Ю. вернулся в Бейрут и стал усиленно готовиться к отъезду в Россию. Из Бейрута он отбыл 2 июля 1910 г. на пароходе „Евфрат“, в Одессу приплыл 13 июля, а в пятницу 16 июля закончилось в С.-Петербурге двухлетнее путешествие магистранта И. Ю. Крачковского на Восток.

Природа и люди Сирии, Ливана и Палестины, нравы и обычаи, страдания и чаяния арабского народа стали понятны и близки И. Ю. Крачковскому. Вдали от родины он особенно стремился к тем, кто знал Россию и русских, кто чем-нибудь был с нею связан. Он убедился, что престиж России стоял очень высоко.

¹ Дневник, 10 июня 1910 г. — Перевод А. А. Долиной.

² Местная форма лихорадки „абū рукаб“, т. е. „отец спина“, с сильными головными болями, высокой температурой и слабостью, впервые трепала И. Ю. Крачковского в сентябре 1908 г. в Бейруте.

По всей Палестине можно было путешествовать в начале XX века, владея одним русским языком. В Яффе, Иерусалиме и некоторых других городах было много вывесок на русском языке, торговцы понимали по-русски, но не всегда говорили по-английски. В Триполи, на улице, ребяташки лет 5 приветствовали И. Ю. Крачковского по-русски: „Здравствуйте“. И. Ю. охотно сближался с деятелями Палестинского общества, входил в интересы школьного дела и старался принести посильную помощь.

И. Ю. Крачковский вернулся на родину не только полноценным знатоком классического арабского языка и арабской литературы. Он в совершенстве овладел живыми арабскими диалектами Сирии и Египта. Он открыл еще никому неведомую, современную арабскую литературу. Она развивалась на его глазах. Важнейшим центром ее была Сирия. Это замечательное открытие датируется записями в дневнике от 27 июля 1908 г., от 8 и 25 августа того же года и другими. На Ливане возникли планы вступительных лекций И. Ю. Крачковского в Университете и многие работы по современной арабской литературе.

Избранный 3 июня 1915 года в пожизненные действительные члены Палестинского общества приват-доцент С.-Петербургского университета И. Ю. Крачковский знал сильные и слабые стороны школьной сети Палестинского общества на Ливане и в Палестине лучше многих других деятелей. Этим объясняется постоянное участие в работах Палестинского общества И. Ю. Крачковского, который оставался в составе Президиума до дня своей смерти — 24 января 1951 г.